Церковные Ведомости

Zerkownyje Wedomosti

Православной Церкви в Германии

Оффициальный орган Православной Германской Епархии

Amtliche Zeitschrift der Orthodoxen Diözese in Deutschland

№ 5

МАЙ

1951

МЮНХЕН

РЕДАКЦИЯ: München – Bogenhausen, Mauerkircherstr. 5.

Часть оффиціальная

УКАЗЪ

из Архіерейскаго Сѵнода Русской Православной Церкви Заграницей

Епархіальнымъ Преосвященнымъ и настоятелямъ церквей, непосредственно Предсѣдателю Архіерейскаго Сѵнода подчиненныхъ.

Архіерейскій Сѵнодъ Русской Православной Церкви заграницей 15/28 марта 1951 г. Слушали: Представленіе Преосвященнаго Архіепископа Сидней-скаго и Австралійско-Новозеландскаго Феодора съ ходатайствомъ о назначеніи сбора въ храмахъ на построеніе перваго Русскаго православнаго храма въ Новой Зеландіи въ г. Велингтонъ, къ каковому приступаетъ назначенный туда священникъ Алексѣй Годяевъ.

Постановили: Имѣя въ виду большое значеніе построенія храма въ г. Велингтонъ для развитія церковной жизни въ Новой Зеландіи, назначить тарелочный сборъ во всѣхъ церквахъ на эту цѣль въ Недѣлю Женъ Мѵроносицъ 30 апрѣля — 13 мая с.г. съ тѣмъ, чтобы собранныя деньги Епархіальными Управленіями направлялись непосредственно Архіепископу Сидней-скому и Австралійско-Новозеландскому ФЕОДОРУ.

О чемъ послать циркулярный указъ всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ и настоятелямъ церквей непосредственно Предсѣдателю Архіерейскаго Сѵнода подчиненныхъ. 7/20 апрѣля 1951 г. Новая Коренная Пустынь.

Предсѣдатель Архіерейскаго Сѵнода

Митрополитъ АНАСТАСІЙ.

За Секретаря
Правитель дѣлъ Сѵнодальн. Канцеляріи
протоіерей Георгій Граббе.

Означенный Указъ объявляется подвѣдомому мнѣ духовенству къ исполненію. За позднимъ полученіемъ указа сборъ предлагаю произвести въ первое же Воскресенье по полученіи сего распоряженія.

ВЕНЕДИКТЪ

Архіепископъ Берлинскій и Германскій.

УКАЗЪ

изъ Архіерейскаго Сѵнода Русской Православной Церкви Заграницей

Епархіальнымъ Преосвященнымъ и настоятелямъ церквей, непосредственно Предсѣдателю Архіерейскаго Сѵнода подчиненныхъ.

Архіерейскій Сѵнодъ Русской Православной Церкви заграницей 15/28 марта 1951 г. Слушали: Устный докладъ Начальника Хозяйственнаго Управленія о томъ, что установленный съ давняго времени сборъ на обще-церковныя нужды Архіерейскаго Сѵнода въ день праздника Вознесенія всегда приходится на рабочій день, когда посѣщаемость церквей бываетъ почти всюду небольшой вслѣдствіи этого обстоятельства. Въ виду сего назначенный сборъ въ этотъ день и въ другіе праздничные дни лучше было бы приноравливать къ ближайшимъ къ нимъ воскреснымъ днямъ.

Постановили: По указаннымъ въ докладѣ Начальника Хозяйственнаго Управленія причинамъ Вознесенскій и другіе сборы на обще-церковныя нужды Архіерейскаго Сѵнода, если они приходятся на рабочій день, впредь переносить на ближайшій воскресный день, совершая его, какъ это было ранѣе указано въ Сѵнодальныхъ опредѣленіяхъ, не только за Божественной Литургіей, но и за всенощнымъ бдѣніемъ наканунѣ.

О чемъ послать циркулярный указъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ и настоятелямъ церквей, непосредственно Предсѣдателю Архіерейскаго Сѵнода подчиненныхъ. 7/20 апрѣля 1951 г. Новая Коренная Пустынь.

Предсѣдатель Архіерейскаго Сѵнода

Митрополитъ АНАСТАСІЙ.

За Секретаря
Правитель дѣлъ Сѵнодальн. Канцеляріи
протоіерей Георгій Граббе.

О чемъ объявляется подвѣдомому мнѣ духовенству къ исполненію.

ВЕНЕДИКТЪ

Архіепископъ Берлинскій и Германскій.

НАЗНАЧЕНІЯ, ПЕРЕМѢЩЕНІЯ, УВОЛЬНЕНІЯ и НАГРАЖДЕНІЯ за АПРѢЛЬ мѣсяцъ.

1. Настоятель церкви въ Нойбургѣ протоіерей Симеонъ БРАЗОВСКІЙ освобожденъ отъ исполненія пастырскихъ обязанностей по Амбергскому приходу. На должность настоятеля Амбергскаго прихода перемѣщенъ изъ лагеря Валка священникъ Александръ КОНДРАТЬЕВЪ, 22-го марта.

2. Протоіерею Симеону БРАЗОВСКОМУ поручено посѣщать православныхъ заключенныхъ въ тюрьмѣ въ гор. Eichstätt, 28-го марта.

3. Настоятель Церкви въ Ольденбургѣ священникъ Іоаннъ КАРАСЬ перемѣщенъ настоятелемъ церкви въ Оеррель съ порученіем обслуживать и другіе приходы въ Англійской зонѣ, не имѣющіе своихъ священниковъ, 29-го марта.

4. Настоятелю церкви въ Эсслингенѣ священнику Діонисію Ильину поручено исполненіе пастырскихъ обязанностей и по приходу въ Людвигсбургѣ, 30 марта.

5. Вр. исп. обяз. Настоятеля Свято-Прокопіевской церкви въ Любекѣ священникъ Амвросій Бакгаузъ освобожденъ отъ означенныхъ обязанностей. Настоятелемъ названной церкви назначенъ Архимандритъ Мстиславъ, 9-го апрѣля.

6. Виталій ГЛАГОЛЕВЪ назначенъ исполняющимъ должность псаломщика при церкви въ Бадъ-Киссингенѣ, 13-го апрѣля.

7. Игумену ГЕОРГІЮ поручено производство ревизіи Строительнаго Комитета при Штутгартской церкви, 12 апрѣля.

ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗЪ СПИСКОВЪ КЛИРА ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХІИ ВЪ ГЕРМАНІИ:

1. Протоіерей Стефанъ ЛЯШЕВСКІЙ и протодіаконъ Георгій ЧЕВАНИКЪ, оба за выѣздомъ въ США.

ЗАПРЕЩЕНЫ въ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНІИ:

1. Бывшій настоятель церкви въ Бадъ-Киссингенѣ священникъ Василій ЛЕНГЕНФЕЛЬДЕРЪ, согласно 36 и 39 Апост. Пр. 3 пр. IV Вселен. Собора, 10 пр. VII Вселен. Соб. 11 пр. Двукр. Соб. и 57 пр. Лаод. Соб.

2. Протодіаконъ бывшей Сѵнодальной Свято-Владимірской церкви Павелъ НИКОЛЬСКІЙ, согласно 6-му пр. VI Вселен. Соб.

ПРЕПОДАНО АРХИПАСТЫРСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ СЪ ВЫДАЧЕЙ ГРАМАТЫ ЗА ТРУДЫ ПО ЦЕРКВИ:

1. Н. В Рѣшетняку, 2. Л. И. Леонтьеву, 3. В. Ф. Ермакову, 4. Н. С. Бусько, 5. Н. В. Тишневу, 6. К. Г. Лысому, 7. К. А. Красюку, 8. Е. К. Матюхову, 9. М. А. Кухаренко, 10. Г. П. Стадницкому и 11. А. П. Баженову.

УТВЕРЖДЕНЫ ВЫБОРЫ ПРИХОДСКАГО СОВѢТА и РЕВИЗІОННОЙ КОМИССІИ ПРИ ЦЕРКВАХЪ:

1. Въ лагерѣ Валка: Церковный Староста П. ПОПОВИЧЪ, Помощникъ Церковнаго Старосты П. АБРАМОВИЧЪ. Приходскій Совѣтъ въ составѣ: Н. ШОКОЛИ, Д-ра Д. ТЕОДОРЕСКО, М. ВИТКОВА и Л. ЧАРАПИЧА. Ревизіонная Кориссія въ составѣ: Л. КУЗНЕЦОВА и Г. БОГИНЯ. Предложено въ Ревизіон. Комис. доизбрать третьяго члена.

2. Церковно-приходскій Совѣтъ въ лагерѣ Амбергъ въ составѣ: Д. А. ІОНОВА, П. Г. ДАВШАНА, П. К. ДУБЕЦКАГО, Ф. РУСИКОВИЧА и Т. Т. ПИВОВАРА.

Культурно-Просвѣтительный и Благотворительный Комитеты въ составѣ В. Б. КУЛЬБИЦКАГО, И. ОВЧИННИКОВА и ДУПЛЕВСКАГО.

Ревизіонная Комиссія въ составѣ: ГРИГОРЬЕВА и СОКОЛОВА.

3. При Штуттгартской Церкви: Ревизіонная Комиссія въ составѣ: В. Д. ЕПИНАТЬЕВА, проф. И. П. ЧЕТВЕРИКОВА, В. К. МЕЛЛЕРА и замѣстителя на случай отсутствія кого-либо изъ членовъ З. А. МАШИНА.

Епархіальная хроника.

2/15 апрѣля Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ ВЕНЕДИКТЪ Божественную Литургію совершалъ въ Свято-Архангело-Михайловской церкви въ Шлейсгаймѣ.

9/22 апрѣля въ недѣлю Ваій служилъ въ той же церкви и рукоположилъ діакона Серафима СЛОБОДСКОГО въ санъ священника.

Въ Страстную Седмицу:

10/23 апрѣля — В. Понедѣльникъ. Владыка Архіепископъ совершалъ Литургію.

Преждеосвященныхъ даровъ въ своей домовой церкви «Дома Милосерднаго Самарянина».

11/24 апрѣля — В. Вторникъ. Владыка служилъ въ лагерной церкви Функ-казерне.

12/25 апрѣля — В. Среда. Владыка совершалъ Богослуженіе въ лагерной церкви Шлейсгайма.

13/26 апрѣля—В. Четвертокъ. Божественную Литургію Владыка Архіепископъ совершалъ въ Свято-Николаевской церкви на площади «Сальваторъ». Вечеромъ —чтеніе 12 Евангелій въ Шлейсгаймской церкви. Еще въ В. Среду Владыка Архіепископъ заболѣлъ гриппомъ и въ четвергъ на Страстяхъ не смогъ дочитать 1-е Страстное Евангеліе.

14/27 и 15/28 апрѣля — В. Пятокъ и В. Суббота. Высокопреосвященнѣйшій Владыка слушалъ Божественныя службы въ своей домовой церкви, лежа, черезъ дверь своей комнаты, отдѣляющую ее отъ храма.

16/29 апрѣля — Свѣтлое Воскресеніе Христово. Владыка Архіепископъ Пасхальную Заутреню и Божественную Литургію служилъ въ Шлейсгаймской церкви.

17/30 апрѣля—Свѣтлый Понедѣльникъ. Божественную Литургію и наканунѣ Пасхальную Вечерню Владыка служилъ въ домовой церкви. Въ этотъ же день вечеромъ Владыка изволилъ посѣтить санаторію въ Гаутингѣ, гдѣ слушалъ вечерню и посѣтилъ Высокопреосвященнаго Митрополита Августина.

23 апрѣля — 6 мая Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ совершалъ Божественную Литургію въ Шлейсгаймской церкви, а послѣ нея, предворённое словомъ, Молебствіе о здравіи и спасеніи Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита АНАСТАСІЯ, бывшаго 20-го апрѣля —3 мая именинникомъ.

25-го апрѣля — 8 мая — Радоница. Владыка Архіепископъ ѣздилъ на кладбище Зольнъ, гдѣ совершилъ торжественную панихиду на могилѣ Митрополита Серафима. Затѣмъ проѣхалъ въ Шлейсгаймъ, гдѣ, послѣ литургіи въ лагерной церкви, посѣтилъ кладбище «Фельдмохингъ» и служилъ панихиду на могилѣ Митрополита Пантелеимона, а также обходилъ могилы многихъ здѣсь погребенныхъ православныхъ. На всѣхъ другихъ кладбищахъ служили: Преосвященный Епископъ Александръ и посланные священники.

СООБЩЕНІЕ СЕКРЕТАРІАТА УПРАВЛЕНІЯ АВСТРІЙСКОЙ ЕПАРХІИ.

2-го апрѣля Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ СТЕФАНЪ посѣтилъ лагерь Келлербергъ и принялъ участіе въ собраніи духовенства всей Каринтіи съ цѣлью общаго съ народомъ говѣнія по мысли, выраженной въ посланіи Архіепископа Берлинскаго и Германскаго Высокопреосвященнѣйшаго ВЕНЕДИКТА, отъ 10-го марта 1950 г.

2, 3, 4, и 5 апрѣля на Крестопоклонной недѣлѣ совершались уставныя службы и велись бесѣды о мирѣ, борьбѣ съ безбожіемъ и ложномъ направленіи религіозной мысли. По поводу одной загадочной смерти прочитанъ былъ докладъ о спиритизмѣ.

4-го апрѣля совершена была панихида по въ Бозѣ почившемъ Епископѣ Евлогіи.

6-го апрѣля въ канунъ праздника Благовѣщенія Владыка совершалъ Всенощную и панихиду по святѣйшемъ Патріархѣ Тихонѣ въ лагерѣ Келлербергъ.

7-го апрѣля въ праздникъ Благовѣщенія Владыка совершалъ Божественную Литургію въ лагерѣ Шпиталь.

8-го апрѣля въ 4-ю недѣлю Великаго Поста Владыка совершалъ Божественную Литургію въ лагерѣ Санъ-Мартинъ, вечеромъ того же дня—Пассію въ лагерѣ Келлербергъ.

День 9 апрѣля былъ посвященъ посѣщеніямъ Русскихъ учебныхъ заведеній этого лагеря: гимназіи и дѣтскаго сада.

10-го апрѣля Владыка возвратился въ г. Зальцбургъ, какъ центръ своей епархіи.

БОЛѢЗНЬ АРХІЕПИСКОПА СТЕФАНА.

На Святой седмицѣ Владыка СТЕФАНЪ тяжело заболѣлъ: 3 мая, наступило внезапное обостреніе язвы желудка, сопровождавшееся большими страданіями и принявшее столь угрожающій характеръ, что 9 мая по распоряженію Владыки къ нему былъ позванъ священникъ и Владыкой были сдѣланы распоряженія на случай смерти. *)

*) Полученныя во время набора выпуска дальнѣйшія свѣдѣнія о состоянія здоровья Владыки Архіепископа СТЕФАНА помѣщены въ концѣ номера.

Приношу свою благодарность всѣмъ почтившимъ меня пасхальнымъ привѣтствіемъ и добрыми пожеланіями. *Архіепископъ ВЕНЕДИКТЪ.*

Часть неоффиціальная

Четырехсотлѣтіе Стоглаваго Собора 1551-1951 г.

(Къ вопросу о его историческомъ значеніи)

(Окончаніе).

Особенно важными и устойчивыми были постановленія Собора 1551 г. объ иконописаніи. Оно было подчинено строгимъ правиламъ: иконы предлагалось писать по уставу, по древнимъ подлинникамъ, чѣмъ исключалось вольное обращеніе со священными сюжетами и традиціонными композиціями, въ частности исключалось подражаніе западнымъ, неправославнымъ образцамъ. Часто утверждаютъ, что такими ограниченіями развитіе русскаго церковнаго искусства было сдѣлано невозможнымъ и что это искусство съ V по XVII вв. представляетъ, къ невыгодѣ для себя, духовное и формальное единство. Однако болѣе добросовѣстные изъ тѣхъ же авторовъ вынуждены признать, что и въ иконописи XVI—XVII вв. существовало нѣсколько направленій, отнюдь не унифицированныхъ Стоглавымъ Соборомъ и что, съ другой стороны, эпоха Іоанна Грознаго была временемъ значительнаго подъема русской иконографіи наряду съ декоративнымъ искусствомъ и зодчествомъ. Въ половинѣ XVI в. въ иконописи выступаютъ съ большею, чѣмъ прежде, силою принципы психологической характеристики и индивидуализаціи изображаемыхъ лицъ и событій. Нѣкоторыя изъ иконъ современныхъ святыхъ, написанныя вскорѣ послѣ ихъ кончины, носятъ черты портретнаго сходства. Московская школа иконописи, съ центрами въ столицѣ, въ Твери, Псковѣ, Вологдѣ и другихъ сѣверныхъ городахъ, отступаетъ отъ византійской традиціи и усиливаетъ національные мотивы и въ изображеніи архитектурныхъ ансамблей, и въ передачѣ костюмовъ, и въ воспроизведеніи пейзажа. Представляя русскихъ святыхъ, мастеръ долженъ былъ изображать и окружавшую ихъ обстановку — русскія лица, русскіе храмы, русскую природу. Часто это дѣлалось съ привлеченіемъ областныхъ особенностей, если писалась икона святого, почитавшагося мѣстно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ церковную живопись проникали черты народнаго искусства. Новыя явленія выступаютъ и на высотахъ русской иконописи: съ конца XVI в. развивается Строгановская школа, создавшая особый стиль утонченнаго золотого письма, запечатлѣнный необычайнымъ духовнымъ ясновидѣніемъ и совершеннымъ живописнымъ символизмомъ. Всѣ эти элементы, усложнившіе и ранѣе столь обширное и высокое творчество иконописцевъ, были связаны съ общимъ подъемомъ русскаго благочестія и русской духовной культуры въ половинѣ XVI в. Еще въ 1554 г., почти непосредственно послѣ окончанія работъ Стоглаваго Собора, была отклонена жалоба дьяка Висковатаго, обвинявшего духовенство Успенскаго собора и, въ особенности, священника Сильвестра въ неправославномъ руководствѣ иконописаніемъ. Такимъ образомъ, ни въ постановленіяхъ Собора 1551 г., ни въ послѣдующихъ церковныхъ указаніяхъ не заключалось ничего, обрекавшаго русскую иконопись на застой и упадокъ: въ рамкахъ предписаннаго Стоглавомъ уставнаго канона было достаточно мѣста для подлинной свободы творчества въ области православной церковной живописи. Что же касается принципіальнаго единства русской иконописи на протяженіи вѣковъ, то именно оно обусловливаетъ идейно-религіозную и художественную цѣльность, высочайшее своеобразіе и истинное безсмертіе русскаго иконописанія. Въ укрѣпленіи этого единства состоитъ одна изъ великихъ заслугъ отцовъ Стоглаваго Собора передъ русскою Церковью и всѣмъ христіанскимъ міромъ, такъ какъ иконописаніе, въ своей подверженной измѣненіямъ и развитію художественной формѣ, выражаетъ и воплощаетъ вѣчное богочеловѣческое содержаніе, тайну одухотворенной плоти, полноту временъ и небо на землѣ.

Многіе сѣтованія и упреки вызвали впослѣдствіи постановленія Стоглаваго Собора, санкціонировавшія «русскія» формы нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ—двуперстное перстосложеніе, сугу-

бую аллилуію, хожденіе посолонь и др. Эти опредѣленія были, какъ извѣстно, отмѣнены Большимъ Московскимъ Соборомъ 1666—1667 г.г. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что указанныя рѣшенія, вызвавшія раздѣленіе уже на самомъ Соборѣ 1551 г., были тогда исторически неизбѣжными. Въ половинѣ XVI в. еще не было возможности установить тѣсную и постоянную связь съ православнымъ Востокомъ и достичь обрядоваго единообразія русской Церкви и Церквей греческихъ. Притомъ утвержденные Стоглавымъ Соборомъ обряды были иногда исполняемы и на Востокѣ, гдѣ, какъ указываетъ академикъ Е. Е. Голубинскій въ своемъ трактатѣ о принципахъ полемики со старообрядцами, тоже нельзя было найти полнаго литургическаго единообразія. Сами по себѣ „старые", т.е. укрѣпившіеся въ Россіи въ XV—XVI вв. обряды не заключали въ себѣ чего-либо предосудительнаго и допускали не менѣе православное истолкованіе, чѣмъ обряды вполнѣ „греческіе". Въ половинѣ XVI в. національное самосознаніе русскаго общества формировалось на основѣ заключеній изъ знаменательныхъ событій предыдущаго столѣтія —измѣны части греческой іерархіи принципамъ православія на Флорентійскомъ Соборѣ 1439 г., паденія Ромейской имперіи въ 1453 г. и перехода на Московское царство, какъ на единственное, оставшееся самостоятельнымъ, православное государство, великихъ обязанностей Римскаго императорскаго престола. На почвѣ такой концепціи представлялось, что обряды, принятые въ русской Церкви, наиболѣе православны и наиболѣе угодны Богу. Такое воззрѣніе могло быть слишкомъ поспѣшнымъ, произвольнымъ и ошибочнымъ, но оно не заключало въ себѣ, въ принципіальномъ смыслѣ, ничего недостойнаго, такъ какъ опредѣлялось вовсе не націоналистическимъ самопревозношеніемъ, какъ часто полагаютъ, а ревностью къ православной истинѣ. Сущность позднѣйшаго раскола XVII в. состояла не въ сохраненіи обрядовъ, принятыхъ на Стоглавомъ Соборѣ, а въ отдѣленіи отъ Церкви и осужденіи ея рѣшеній. Раскольники превратили обрядъ въ догму и поставили національный принципъ въ Церкви выше вселенскаго православія. При этомъ они оказались хулителями своей собственной націи, неосновательно признавъ ее измѣнившею своему священному назначенію. Въ такомъ карающемъ само себя заблужденіи обрядовѣрія и неумѣстнаго въ Церкви націонализма Стоглавый Соборъ неповиненъ: въ его распоряженіи было мало данныхъ для рѣшенія вопроса объ обрядахъ, и онъ долженъ былъ закрѣпить уже существующее, поскольку оно не противорѣчило истинамъ вѣры и устраняло возможный хаосъ и безвыходныя при данныхъ условіяхъ распри и раздѣленія. Вѣрные началамъ послушанія Церкви, соборности и божественной любви русскіе праведники спасались и прославлялись независимо отъ того, какимъ обрядамъ — „старымъ" или „новымъ" они слѣдовали. Эту фактическую истину признавали и патріархъ Никонъ, и вся православная Церковь въ любую эпоху, на ней основано и единовѣріе.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что многіе участники Стоглаваго Собора не отдавали себѣ яснаго отчета по вопросу о различіи между догматомъ и обрядомъ и что такое смѣшеніе отразилось на содержащихся въ Стоглавѣ опредѣленіяхъ. Въ рядѣ мѣстъ Стоглава обнаруживается недостатокъ общаго и, въ особенности, духовнаго просвѣщенія въ Россіи XVI в., не располагавшей, въ силу объективныхъ историческихъ условій, необходимыми образовательными средствами. Но, съ другой стороны, „догматизація" богослужебныхъ обрядовъ, литургическихъ моментовъ и церковно-бытовыхъ формъ и обычаевъ была связана со своеобразнымъ, сложившимся еще до XVI в., народно-религіознымъ міровоззрѣніемъ. Это міровоззрѣніе было проникнуто глубочайшимъ онтологизмомъ: во всякомъ церковномъ обрядѣ, словѣ, движеніи видѣли средство таинственнаго воздѣйствія на жизнь человѣка и природы. Такое религіозно-символическое воспріятіе дѣйствительности могло приводить къ неправильнымъ, въ богословскомъ смыслѣ, выводамъ и объясненіямъ, что имѣло мѣсто, напр., при истолкованіи смысла сугубой аллилуіи, какъ „божественной тайны воскресенія", но оно обычно соединялось съ глубокимъ религіознымъ настроеніемъ. Въ духовномъ отношеніи подобная богословская ошибка значила больше, чѣмъ слишкомъ частое впослѣдствіи безразличіе: она, оставаясь ошибкой, свидѣтельствовала однако о высокихъ исканіяхъ народной души, еще не вооруженной религіознымъ знаніемъ, но съ трепетомъ припадающей къ священному дѣйствію и стремящейся собственными средствами проникнуть въ смыслъ богослуженія. То же относится и къ попыткамъ народной мысли обосновать древнія представленія о мірѣ и человѣкѣ на христіанскихъ символахъ и библейскихъ образахъ, въ частности именно эта тенденція привела къ осужденію Стоглавомъ брадобритія, что обычно ставится въ вину отцамъ Собора 1551 г. Что борода является элементомъ образа Божія въ человѣкѣ, кажется страннымъ и даже безусловно

ложнымъ, но такъ думали—и не только въ XVI в. многіе благочестивые русскіе люди; даже въ наши недавніе дни такое воззрѣніе защищали столь высокіе мыслители, какъ о. Павелъ Флоренскій. Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простымъ невѣжествомъ или суевѣріемъ, а съ однимъ изъ аспектовъ мистической народной антропологіи. Такимъ образомъ, проникшіе въ Стоглавъ частныя сужденія нѣкоторыхъ отцовъ Собора,—какъ бы далеко ни отстояли они отъ современнаго сознанія, — оказываются не столь наивными, какъ это представляется: они относятся къ области древне-русскаго міровоспріятія и не могутъ быть достаточно защищены или опровергнуты раціональными доводами.

Нѣтъ необходимости останавливаться на приговорахъ Собора 1551 г. относительно искорененія остатковъ язычества, въ частности, на запрещеніи праздничныхъ народныхъ собраній съ „играніемъ", „плясаніемъ", „гудѣніемъ", „бѣсовскими пѣснями" и другими нехристіанскими увеселеніями. Изслѣдователи фольклора и народной музыки, этнографы и филологи сожалѣютъ по поводу этихъ мѣропріятій, побудившихъ, какъ извѣстно, многихъ скоморохъ бѣжать изъ центральныхъ областей на сѣверные окраины —въ лѣса Олонецкаго или Архангельскаго края. Но то, что увлекаетъ современнаго ученаго, не могло интересовать отцовъ Стоглаваго Собора. Они видѣли, что въ условіяхъ невысокаго уровня церковнаго просвѣщенія, особенно въ мѣстностяхъ ново-присоединенныхъ или колонизуемыхъ, съ еще не обрусѣвшимъ иноплеменнымъ населеніемъ, были вполнѣ возможны массовые рецедивы древняго паганизма и связаннаго съ нимъ распада христіанской жизни и нравственности.

Постановленія Стоглаваго Собора по вопросамъ церковнаго управленія, богослуженія, просвѣщенія, благочинія, христіанскаго образа жизни и пастырской дѣятельности предлагаютъ обширную систему преобразованій и исправленій. Они даютъ достойный отвѣтъ на вопросы и пожеланія царя и правительства. Поэтому глубоко не правы тѣ писатели, которые обвиняютъ участниковъ Собора и авторовъ Стоглава въ крайнемъ консерватизмѣ или реакціонности, въ неспособности понять новыя явленія и потребности церковной и гражданской жизни. Такія сужденія о Стоглавѣ были нерѣдкими и въ старой, въ частности, учебной литературѣ. Неудивительно поэтому, что авторы одного изъ современныхъ руководствъ по исторіи русской литературы доходятъ до окончательныхъ нелѣпостей: они утверждаютъ, что Стоглавый Соборъ, подобно автору „Домостроя", хотѣлъ „остановить теченіе жизни"; единственнымъ намѣреніемъ Собора было якобы возстановить „поисшатавшуюся старину". Но къ церковной жизни нельзя прилагать категорію „прогресса" въ ея обычномъ пониманіи. Въ области духа болѣе „новое" не всегда оказывается болѣе совершеннымъ. Подъ укрѣпленіемъ или возстановленіемъ старины Стоглавый Соборъ разумѣлъ не отказъ отъ назрѣвшихъ церковныхъ мѣропріятій, а, наоборотъ, устраненіе укоренившихся непорядковъ и нестроеній въ цѣляхъ приведенія всѣхъ сторонъ церковной жизни къ ея заповѣданной издревле благодатной полнотѣ и совершенству, къ тѣмъ высотамъ духа, на которыя поднялись основатели и строители русской Церкви — ея древніе святители, подвижники, святые князья и мученики. Во главѣ Собора 1551 г. стояли не тупые обскуранты, а тѣ же высоко просвѣщенные и культурные дѣятели, которые вдохновляли общественное и культурное движеніе своего времени. Отмѣченная въ началѣ настоящаго очерка Троицкая группа руководящихъ участниковъ Стоглавого Собора, во главѣ съ митрополитомъ Іоасафомъ, состояла исключительно изъ лицъ, самозабвенно преданныхъ идеѣ обновленія церковной и гражданской жизни. Члены этой группы, какъ могло бы показать спеціальное изслѣдованіе, воспитались на гробѣ святаго Серапіона, архіепископа Новгородскаго, бывшаго (1495—1505) игуменомъ Сергіева монастыря. Этотъ великій святитель, почитавшійся въ Новгородѣ святымъ при жизни, былъ уволенъ отъ своей каѳедры, въ связи съ церковно-дисциплинарнымъ дѣломъ преп. Іосифа Волоцкаго, на покой въ Троицкую обитель, гдѣ и скончался въ 1515 г. Важно также отмѣтить, что поставленный въ 1551 г. игуменомъ Троицкимъ бывшій пустынножитель Артемій, активный участникъ обмѣна мнѣній на Стоглавомъ Соборѣ и вокругъ него, испросилъ у царя разрѣшеніе на перемѣщеніе томившагося въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ преп. Максима Грека въ Сергіеву обитель, гдѣ невинный страдалецъ могъ пользоваться лучшимъ содержаніемъ и общимъ вниманіемъ братіи. Всѣ эти и многіе другіе факты указываютъ на великія стремленія и упованія, волновавшія русскіе церковные круги въ связи съ созывомъ и дѣятельностью Стоглаваго Собора.

Но не въ меньшей степени были затронуты Соборомъ 1551 г. и интересы правительства и военно-служилыхъ круговъ русскаго общества, такъ какъ на Соборѣ обсуждались и были рѣшены

многіе вопросы высокаго государственнаго значенія. Намъ не вполнѣ извѣстно, въ какомъ именно отношеніи стоялъ Стоглавый Соборъ къ Земскому Собору 1550 г., но совершенно ясно, что крупныя государственныя преобразованія, предложенныя и принятыя въ принципѣ въ 1550 г, были освящены авторитетомъ Собора 1551 г. Въ частности, Стоглавый Соборъ утвердилъ окончательную редакцію Царскаго Судебника и предложенный царемъ текстъ основной Уставной грамоты, отмѣнявшей кормленія. Эту сторону дѣятельности Стоглаваго Собора освѣтилъ еще В. О. Ключевскій. Изъ приведенныхъ имъ наблюденій выступаетъ величественная картина взаимоотношеній государства и Церкви въ древней Россіи: правительственная дѣятельность находитъ свое завершеніе въ благословеніи церковнаго Собора. Но Церковь не считаетъ себя чуждою общегосударственнымъ задачамъ и въ сферѣ ея собственныхъ матеріальныхъ средствъ. На Соборѣ 1551 г. былъ съ особеннымъ вниманіемъ разсмотрѣнъ вопросъ о земельныхъ владѣніяхъ архіерейскихъ каѳедръ и монастырей. Предъ лицомъ предстоявшихъ тяжелыхъ войнъ съ татарами за берега Волги и съ нѣмцами за Балтійское побережье было необходимо, чтобы воинскому чину, въ результатѣ сокращенія его земельного фонда, въ значительной степени перешедшаго въ руки церковныхъ учрежденій, не пришло „оскудѣніе веліе". Поэтому, съ одобренія Стоглаваго Собора, 15 мая 1551 г. былъ изданъ царскій указъ о воспрещеніи архіереямъ и монастырямъ впредь покупать, безъ доклада царю, вотчины у князей, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей. Въ томъ же году былъ произведенъ пересмотръ всѣхъ жалованныхъ (на земли) грамотъ монастырямъ и церквамъ. Тогда же были значительно сокращены податныя привилегіи монастырей. Всѣ эти мѣропріятія составляютъ начальный моментъ длительнаго процесса, приведшаго черезъ два столѣтія, къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Нѣкоторые историки представляютъ себѣ этотъ процессъ весьма упрощенно: они видятъ въ немъ борьбу между церковнымъ и военно-служилымъ землевладѣніемъ и на каждомъ этапѣ даннаго развитія отыскиваютъ, въ самой церковной средѣ, столкновенія между "іосифлянами" и „нестяжателями". Конечно, вопросъ о средствахъ содержанія духовенства и церковныхъ учрежденій въ экономическихъ условіяхъ допетровской Россіи не могъ быть разрѣшенъ иначе, какъ при условіи образованія достаточно обширнаго земельнаго фонда Церкви. Въ данномъ случаѣ русскій историческій процессъ ничѣмъ не отличался отъ соотвѣтствующихъ явленій въ Западной Европѣ и на христіанскомъ Востокѣ. Но, владѣя землями, православная Церковь и, въ частности Церковь русская, была какъ-бы не имѣющею ихъ, такъ какъ придавала землевладѣнію и всѣмъ своимъ матеріальнымъ средствамъ только весьма ограниченное, служебное значеніе, всегда признавая нестяжаніе и отреченіе отъ имущества высшимъ идеаломъ инока и всякаго христіанина. Церковь не строила на своемъ земельномъ богатствѣ, которымъ она была обязана, главнымъ образомъ, добровольнымъ пожертвованіямъ на поминъ души, никакого собственнаго политическаго могущества, какъ то имѣло мѣсто въ исторіи средневѣковаго католицизма. Она не практиковала широкаго, свѣтскаго образа жизни іерарховъ и монастырскихъ властей. Свои земельныя средства, превышавшія необходимый для содержанія владыкъ и монашествующей братіи минимумъ, Церковь употребляла, главнымъ образомъ, въ интересахъ опекавшихся ею церковныхъ людей, подвѣдомственнаго населенія и русскаго государства. Разумно поставленное хозяйство монастырей давало рабочему и крестьянскому населенію ихъ земель сравнительно наилучшія условія существованія. Колонизаціонная, благотворительная, культурная, воспитательная дѣятельность древне-русскихъ монастырей, митрополичьяго дома, дома св. Софіи въ Новгородѣ и другихъ архіерейскихъ каѳедръ всесторонне изслѣдована въ русской исторической наукѣ (работы В. О. Ключевскаго, Н. К. Никольскаго, Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовскаго и мн. др.). Многіе монастыри имѣли первостепенное военное значеніе: они составляли важнѣйшій резервъ и оплотъ государственной обороны, что всегда обнаруживалось въ моменты крайней внѣшней опасности и вторженія иноземцевъ.

При такихъ условіяхъ не только полная, но и частичная экспропріація земельныхъ владѣній Церкви могла, на протяженіи длительнаго историческаго періода, причинить государственно-народному организму непоправимый, катастрофическій ущербъ. Если, такимъ образомъ, Церковь не прилагала сердца къ своимъ земельнымъ средствамъ, то и государство не спѣшило освобождать ее отъ нихъ. Въ частности, Грозный въ теченіе всего своего царствованія оставался сторонникомъ церковнаго землевладѣнія. Поэтому и на Соборѣ 1551 г. мы не замѣчаемъ никакой острой борьбы и столкновенія мнѣній въ связи съ предложенными правительствомъ ограничительными мѣропріятіями въ обла-

сти, главнымъ образомъ, монастырскаго землевладѣнія. Если нѣкоторые ученные, какъ, напр., Г. В. Вернадскій находятъ, что Соборъ 1551 г. употребилъ значительныя усилія „для защиты и оправданія церковнаго землевладѣнія", то такія сужденія нельзя не признать преувеличенными. Отцы Стоглаваго Собора, не колеблясь, одобрили предложенныя имъ въ данномъ отношеніи мѣры и положили тѣмъ начало совмѣстной дѣятельности Церкви и государства по окончательной подготовкѣ освободительной акціи противъ опустошавшихъ русскія области татарскихъ ханствъ, прежде всего противъ Казани. Ликвидація въ слѣдующемъ, 1552 г. этого центра хищническаго феодализма и рабовладѣнія была великимъ подвигомъ русскаго оружія, освященнаго молитвами Стоглаваго Собора въ той же благодатной мѣрѣ, въ какой стало когда-то непобѣдимымъ оружіе Димитрія Донскаго въ силу почившаго на немъ благословенія преподобнаго Сергія.

Таковы нѣкоторыя стороны дѣятельности Московскаго Собора 1551 г., вполнѣ объясняющія царившую на немъ атмосферу высокаго религіознаго подъема и патріотическаго воодушевленія. Многія опредѣленія Стоглава остались фактически не выполненными, нѣкоторыя изъ нихъ были, сами по себѣ, недостаточными. Послѣдующая эпоха не оправдала завѣтныхъ надеждъ и устремленій участниковъ Собора и всего представленнаго имъ церковнаго общества. И, тѣмъ не менѣе, Стоглавый Соборъ вошелъ въ исторію и остался въ памяти народа, какъ великое, благодатное событіе, какъ подвигъ церковно-общественнаго покаянія и призыва къ исправленію, какъ высокій примѣръ молитвеннаго единенія Церкви и государства въ одинъ изъ знаменательныхъ моментовъ Русской исторіи.

Вѣчная память отцамъ и всѣмъ достойнымъ участникамъ Стоглаваго Собора.

ЮРІЙ ВАЛЕНСКІЙ.

О Православномъ Человѣкѣ.

(Окончаніе).

Въ лицѣ Мотовилова мы имѣемъ все таки представителя вѣрующей среды. Была въ Россіи и среда невѣрующая и богоборческая. Но и въ этомъ вѣрующемъ потокѣ Русской жизни, уже нѣтъ ясности и прозрачности православнаго источника.

Мотовилова учили, что цѣль жизни исполненіе дѣлъ религіознаго закона. Что цѣнно на землѣ? Дѣла! То что сдѣлаетъ человѣкъ! И надо дѣлать добрыя дѣла. Творить упорно, неукоснительно. И въ награду за эти дѣла, закономъ установленныя, послѣ смерти человѣкъ получитъ награду: спасеніе, блаженство. Получитъ потомъ когда-то, и тогда наступитъ или человѣкъ вступитъ въ Царство Божіе.

Прп. Серафимъ говоритъ, что въ такомъ пониманіи есть роковая ошибка: спасеніе, блаженство—въ непосредственной близости къ Богу, въ общеніи съ Богомъ и только въ этомъ. Но это общеніе доступно человѣку уже теперь, на землѣ, и блаженство въ будущей жизни, еще большее, есть продолженіе и слѣдствіе близости къ Богу сейчасъ, на землѣ. Что это достигается также черезъ добрыя дѣла.

Въ чемъ разница: и тутъ и тамъ—добрыя дѣла?

Но въ одномъ пониманіи они цѣль, въ другомъ только средства. Въ одномъ награда и близость къ Богу когда-то потомъ, въ другомъ здѣсь и сейчасъ.

За этими двумя пониманіями стоятъ два пути жизни человѣка, два разныхъ типа устроенія человѣка.

Если цѣль жизни исполненіе дѣлъ, то такое пониманіе воспитываетъ человѣка исполнителя. Онъ хорошо знаетъ законъ, исполнительный, точный, аккуратный, упорный. Таковъ его характеръ и главныя добродѣтели и въ качествѣ иллюстраціи мы легко можемъ себѣ представить хорошаго человѣка Западной культуры.

Православное ученіе о смыслѣ жизни, по новому, въ яркихъ и оригинальныхъ образахъ излагаемое Прп. Серафимомъ, воспитываетъ человѣка иного характера, иныхъ качествъ. Прп. Серафимъ хочетъ отъ человѣка „прежде всего" исканія Царства Божія. Хочетъ отъ человѣка духовной чуткости къ явленіямъ духовной жизни. Хочетъ свободной волею исканія Царства Божія и въ этомъ исканіи — ума, сообразительности, сметки.

Человѣкъ долженъ познать благодатныя касанія Духа, долженъ слѣдить за своей жизнью, соображать и понимать какой трудъ, какія дѣла, какой образъ жизни для него полезнѣй, „больше даетъ барыша", больше и чаще даетъ благодатнаго благословенія Божія. Дѣла имѣютъ значеніе служебное. Для того, чтобы жить осмысленно—нужна волевая энергія, творческая активность, ибо человѣкъ творчески — активно участвуетъ въ своемъ спасеніи, а не какъ исполнитель урока.

Вѣрующій и дѣла и награду „за нихъ" долженъ почитать что его дѣла имѣютъ цѣнность и она принадлежитъ ему, а награда придетъ какъ должное.

Прп. Серафимъ хочетъ отъ человѣка безграничнаго смиренія, сознанія, что у него ничего нѣтъ и не можетъ быть ничего, за что ему „должна" быть дана награда. Смыслъ жизни и спасенія онъ понимаетъ въ томъ, чтобы искать подлинную вѣчную цѣнность, а она въ Богѣ. Что цѣннаго своего онъ имѣетъ? Ничего, онъ „нищій духомъ". Вся жизнь внутренняя, вся энергія, всѣ силы ума, сердца и воли направлены къ исканію Бога, ибо въ Немъ, въ реальномъ, живомъ, опытно познаваемомъ усвоеніи Божественной жизни, въ „стяжаніи Св. Духа"— смыслъ и блаженство.

Человѣку надо подлинно „отвергнуться себя" и „прежде всего искать Царства Божія".

Нѣтъ мѣста горделивому признанію цѣнности своихъ дѣлъ: нѣтъ „своего", человѣкъ приноситъ только свободное желаніе спасенія, и свв. отцы говорятъ, что и Богъ всемогущій не можетъ спасти человѣка, если онъ не „соблаговолитъ" быть спасеннымъ.

Такъ создаются два совершенно различныхъ человѣка. У нихъ разныя мысли, разныя оцѣнки цѣнностей, разное внутреннее устроеніе. Когда люди недоумѣваютъ и говорятъ „неужели такъ важно различіе между иными исповѣданіями иногда только въ одномъ словѣ (и тогда вспоминаютъ всегда filioque), въ концѣ концовъ развѣ это не все тоже самое?" то говорящіе такъ всегда обнаруживаютъ, что никогда не интересовались вѣрою и не задумывались, какая огромная разница во внутренней жизни человѣка за этими различіями. Она настолько велика, что душевное состояніе праведника одного исповѣданія есть то именно, отъ чего предостерегаетъ другое, признавая его „прелестью" т.е. признаніемъ ложнаго состоянія въ качествѣ подлинно цѣннаго. Потому разница между ними такова, что одинъ стремится къ тому, отъ чего бѣжитъ другой. Есть очень поучительный трудъ, въ которомъ авторъ (Лодыженскій) сравниваетъ жизнь и внутренній міръ и взгляды Прп. Серафима и Франциска Ассизскаго, и доказываетъ ихъ глубокое различіе.

Разница понимания смысла жизни у православныхъ и тѣхъ, кого „не такъ учили, какъ бы слѣдовало", разница ихъ взглядовъ и внутренняго устроенія приводитъ къ тому, что они все по разному понимаютъ, представляютъ, по разному молятся.

Усвоившій философію цѣнности дѣлъ и Царства Божія какъ награды за дѣла, говоря „да пріидетъ Царствіе Твое", будетъ думать о наградѣ, о концѣ свѣта. Или въ томъ смыслѣ, что просить помощи создать такія условія, порядки государственной жизни, что придетъ это Царство и Господь будетъ царствовать на землѣ. Думаютъ о царствѣ—государствѣ, въ совершенныхъ формахъ, человѣкомъ созданныхъ, когда Господь сможетъ царствовать на землѣ. Вѣруя въ цѣнность человѣческихъ дѣлъ, люди съ такимъ міровоззрѣніемъ неизбѣжно будутъ думать, что смыслъ жизни въ культурныхъ достиженіяхъ, и страстно—хиліастически будутъ понимать Царство Божіе. Именно такъ толковали люди привязанные къ землѣ, не знающіе смиренія и „отверженія себя", слова о 1000-лѣтнемъ Царствѣ Христовомъ въ Апокалипсисѣ, и не могли усвоить мысли, что тамъ рѣчь идетъ о длительности историческаго бытія Церкви на землѣ. Именно въ такомъ духѣ, взволнованно и страстно, писалъ напр. Мережковскій о значеніи культуры, какъ условія наступленія Царства Божія на землѣ. По его мысли, всякій творящій культуру — дѣлаетъ „Христово дѣло". Напр. Петръ I — яркій продолжатель Христова Дѣла, потому что поднимаетъ культуру въ Россіи. Поэтому напр. революціонное движеніе, поскольку, по убѣжденію этого писателя, служитъ той же культурѣ, оно дѣлаетъ Христово дѣло. Онъ настолько былъ ослѣпленъ этой философіей, что когда ему указывали на противорелигіозный характеръ революціоннаго движенія, онъ возражалъ, что это недоразумѣніе, что на самомъ дѣлѣ они служатъ Богу, ибо продолжаютъ Петрово дѣло, а „Петрово дѣло — Христово дѣло", и онъ звалъ Церковь присоединиться къ богоборческому революціонному движенію. Въ угарѣ этихъ страстныхъ и гордыхъ мыслей, и превозношенія человѣческой воли, культуры и творчества, вся историческая жизнь и дѣятельность человѣческая представляется ему полной высокаго значенія и онъ противопоставляетъ ее подвигу молитвы и стяжанію благодати, говоря, что «въ то время, когда былъ Наполеонъ, декабристы — Преп. Серафимъ сто-

ялъ на камнѣ и молился». Говоря такъ въ нѣкую пору своей жизни, онъ не понималъ, что міръ стоитъ праведниками: когда не будетъ праведниковъ, когда міръ перестанетъ плодоносить, міру безсмысленно существовать. По нашему единству человѣческому, по соборности, подвигъ праведника есть подвигъ человѣчества.

Прп. Серафимъ, молясь на камнѣ въ поразительномъ духовномъ подвигѣ и благодатномъ озареніи, оправдывалъ бытіе человѣчества. Представители культуры не понимали ни подвига, ни его высоты, ни значенія и смысла.

Какъ ни странно и ни страшно, но всѣ эти дѣйствительно безумные, бредовые взгляды живутъ и теперь, особенно въ протестантскомъ мірѣ, и мы видимъ въ немъ представителей идеи возможности соединенія вѣры съ богоборчествомъ. Къ этой извращенности они приходятъ, исходя все изъ того же поклоненія всякому проявленію человѣческой воли. Видя передъ собою сильнѣйшее богоборческое движеніе, руководимое коммунистической властью, они не могутъ отнестись къ нему отрицательно, ибо таково проявленіе творчества и „культуры"! И яко бы христіане, они признаютъ и тѣмъ поддерживаютъ гонителей Христа!

Идея совершеннаго строя, какъ созданія человѣческаго, всегда соблазняла людей: найти, создать такой строй, чтобы жизнь стала въ счастье и радость! Набрасывались „утопіи", строились планы такого государства. Русскіе раскольники изъ Сибири ѣздили его разыскивать. Сколько крови пролито во имя этой идеи „рая на землѣ". Тамъ, во имя такого строя въ коммунизмѣ, во имя такого соблазна, убиваетъ безъ числа людей злая, страстно-богоборческая воля. Здѣсь найденъ путь къ нему въ возвеличиваніи воли человѣка и строится арелигіозное демократическое государство. Исторія знаетъ и религіозное теократическое (и тоже тоталитарное) католическое государство, „Священную" имперію. Нашъ современникъ, видный протестантскій идеологъ, говоритъ, что „цѣль государства — подготовить условія для наступленія Царства Божія на землѣ".

А православный, въ отвѣтъ на всѣ эти страстныя бредовыя мечты гордой души, прочтетъ въ Евангеліи (Лк. 17, 20)— «не прійдетъ Царство Божіе примѣтнымъ образомъ», т.е. оно не имѣетъ своихъ, ему присущихъ „культурныхъ" и „совершенныхъ" формъ, ибо оно „внутри насъ" во внутренней, духовной, сердечной, душевной жизни человѣка.

Прп. Серафимъ знаетъ это царство и говоря „да пріидетъ Царствіе Твое" молится о томъ, чтобы Богъ и божественная жизнь сейчасъ вошли въ его душу, чтобы благодать Божія озарила душу и его, и людей.

„Да будетъ воля твоя"—у одного это изъявленіе покорности, или развитіе или аттрибутъ Царствія Божія.

У другого—это самое высшее, дерзновенное желаніе, чтобы его воля, сочеталась съ волею Бога! Когда „Царство Твое" — Божественная жизнь посѣтитъ человѣка, то онъ хочетъ всецѣло проникнуться ею, чтобы его воля и воля людей — вся молитва Господня учитъ единству съ людьми — была Христова воля.

Когда по западному вѣрующій въ значеніе дѣлъ, исполнитель закона, не знающій Серафимовскаго непосредственнаго отношенія къ Богу, проситъ о прощеніи грѣховъ, то это означаетъ просьбу о томъ, чтобы этотъ грѣхъ былъ бы вычеркнутъ, сброшенъ со счетовъ къ моменту расплаты, (а можетъ быть еще и просьбу, чтобы кто-то, у кого есть «сверхдолжныя» дѣла, уравновѣсилъ ими тяжесть моихъ грѣховъ?). Человѣкъ проситъ о прощеніи грѣховъ, въ противовѣсъ имъ дѣлаетъ добрыя дѣла, вѣруетъ, что будетъ прощенъ, но не знаетъ—прощенъ или нѣтъ.

А человѣкъ, какъ Прп. Серафимъ, знающій посѣщенія Св. Духа, знаетъ когда прощенъ грѣхъ: тогда, когда снова возстановилось нарушенное грѣхомъ единеніе съ Богомъ. Вотъ почему мы такъ часто читаемъ у свв. оо. „И помолился старецъ" или „трижды молился" и былъ прощенъ...

Это знаніе дано не только Прп. Серафиму, но и каждому вѣрующему и молящемуся. И каждый знаетъ тяжесть грѣха нераскаяннаго и непрощеннаго и радость покаянія и прощенія. И каждому доступенъ міръ Божественный, а отнюдь не только избранникамъ, яко бы нарочито для того одареннымъ: къ каждому человѣку можетъ придти Господь, ибо сказано: „Се стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой и откроетъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною". (Откр. 3, 20).

Только въ насъ жизнь внутреняя, духовная происходитъ смутно и едва-едва, а Прп. Серафимъ свѣтится ею и при „посѣщеніяхъ" Божественныхъ—„топоръ выпадаетъ изъ его рукъ и лицо его то блѣднѣетъ, то покрывается румянцемъ и сердце его горитъ отъ неизрѣченной радости".

Когда мы смотримъ на Прп. Серафима въ этотъ моментъ, его свѣтъ и огонь изобличаютъ наше ничтожество и тепло-

хладность и можетъ придти соблазнительная лживо-смиренная мысль, что онъ настолько недосягаемъ, что его мысли и ученіе къ намъ неприложимы, ибо онъ совсѣмъ другой и съ нами несоизмѣримъ. Нѣтъ! Это не такъ: именно соизмѣримъ. Разница между нами грѣшными, но вѣрующими,—и святыми не качественная, а количественная. Въ насъ тоже вѣра,—только у нихъ сильнѣе. Тоже ощущеніе добра и зла,—только у нихъ ярче.

Когда мы вглядимся въ обычнаго человѣка, котораго мы называемъ—„хорошій человѣкъ", то мы поймемъ, что его внутренняя жизнь „подобна" жизни Прп. Серафима: у этого хорошаго, „правильнаго" человѣка есть живое ощущеніе добра и зла, онъ инстинктивно сторонится зла и радуется добру. Онъ блюдетъ миръ душевный, сторонится страстей. У него бдительность и трезвенность, сдержанность и скромность. Все это подобно внутренней жизни праведника, только у послѣдняго все это ярче и сильнѣе. Но эти правильные люди вѣрно идутъ. Эти скромные люди — творцы доброй жизни „умѣтели", и это они создали Святую Русь, и они нашли и поняли „убогаго Серафима". И мать Прохора—мужественная и трезвая — изъ той же среды „умѣтелей" и строителей и въ этой именно средѣ родился и выросъ Прп. Серафимъ.

Он родной намъ, у насъ общая вѣра, только онъ много выше и сильнѣе. И мы ему родные, только слабые и грѣшные. Но не чужіе и потому онъ такъ неустанно и ласково учитъ насъ, надѣясь, что поймемъ его.

„Такъ то, Ваше Боголюбіе"...

Да, многому и многому есть чему поучиться современному человѣку у „Православнаго Человѣка" Прп. Серафима.

Онъ „простъ", цѣленъ и внутренно единъ. У него нѣтъ раздвоеній, противорѣчій, и увлеченій грѣшныхъ, страстныхъ людей. Нѣтъ „случайныхъ" словъ и потому такъ внимательно слушали его вѣрующіе. Потому не случайны его слова о Православномъ Царѣ. Все чѣмъ увлекались люди, которые „не такъ, какъ слѣдовало бы", учили Мотовилова, всѣ мечты и соблазны о „совершенномъ строѣ", который должны построить несовершенные люди, всѣ мечты и утопіи, всѣ теоріи, что „высшій законъ—воля большинства", что у государства, какъ у какого-то особаго существа есть свои таинственные законы жизни, все преклоненіе передъ „Культурой" какъ бы языческимъ божествомъ, вся эта страстная возня человѣческая, вся эта мудрость „вѣка сего",—какъ все это далеко отъ Божественной мудрости старца въ Православномъ Саровѣ. Спокойно и просто онъ отвѣтилъ бы современному Мотовилову, что государство это не особое существо, а общественная жизнь людей управляемая властью. Что эту жизнь надо такъ построить, чтобы люди не соблазнялись торжествующей, узаконенной неправдой, чтобы не было препятствій человѣку быть христіаниномъ. Нужно, чтобы въ государственной общественной жизни, въ общественныхъ отношеніяхъ людей признавалась Правда Божественная. Власть должна признавать и подчиняться этой Правдѣ. Носитель власти долженъ приносить обѣтъ въ этомъ. Тогда Церковь благословитъ его на царство. Богу угодно это смиреніе власти и потому Церковь совершаетъ надъ царемъ Таинство Муропомазанія и „въ очахъ Божіихъ нѣтъ жизни лучшей, какъ управляемая Православнымъ Царемъ".

И теперь, какъ и тогда, Прп. Серафимъ будетъ „въ восторгѣ", думая какое облегченіе душъ человѣческихъ, какой восторгъ будетъ, когда снова Россія станетъ на свой историческій путь подчиненія власти Божіей Правдѣ. Это такое громадное событіе нравственнаго перерожденія всей жизни, что передъ нимъ мелки и сравнительно ничтожны всѣ техническіе и практическіе вопросы. Тогда „вся сія приложится".

* * *

Тема о православномъ человѣкѣ поистинѣ современна и актуальна. Русскій человѣкъ, особенно въ высшемъ ведущемъ слоѣ, давно какъ-то заплуталъ. Православіе—трудно. Оно тонко, благородно, божественно. Человѣку легче быть неправославнымъ. Россія давно жила подъ воздѣйствіемъ неправославныхъ идей, философіи и культуры, и подъ ихъ вліяніемъ человѣкъ внутренно мѣнялся. Но многое отъ Православія осталось и теперь. Страшныя испытанія и гоненія вѣры не вырвали корней: чего только не пережили, а вотъ въ народѣ осталась духовная чуткость, чувство правды, отзывчивость, доброта, и возвращающіеся изъ Россіи нѣмецкіе плѣнные разсказываютъ о русскомъ человѣкѣ, задумываются—что создало его и какъ онъ могъ сохраниться въ этой остервенѣлой жизни „совершеннаго строя". Но православному тамъ трудно жить, какъ трудно рости дереву, заваленному камнями. Такъ—на родинѣ, а зарубежомъ, онъ живетъ—тѣснимый чужими людьми, идеями, порядками, вѣрованіями.

Россія уже давно стала сбиваться со своего пути.

Ко времени Прп. Серафима въ „Православной Россіи", въ ведущемъ культурномъ слоѣ какъ то почти не стало „православнаго человѣка". Людей того времени „не такъ учили". И представители этого слоя не замѣтили Православнаго Праведника.

Бесѣда съ Мотовиловымъ такъ характерна: изъ интеллигентнаго культурнаго общества онъ одинъ изъ немногихъ пришелъ къ нему и кажется ни съ кѣмъ такъ длительно, откровенно и глубоко не говорилъ Преподобный. Онъ пришелъ къ старцу послѣ длительной тяжкой болѣзни... Можетъ быть и теперь, послѣ тяжкой болѣзни, въ которой такъ много общаго съ болѣзнью Мотовилова, — ибо и Россія, какъ онъ, ощутила въ себѣ присутствіе діавольской силы — можетъ быть и теперь къ Прп. Серафиму пойдутъ русскіе люди и услышатъ отъ него „радость моя", „Христосъ Воскресе".

Можно указать множество примѣровъ проникновеній неправославныхъ вліяній. Они проникали даже въ Церковь и ея высшія школы. Многіе неправославные взгляды стали общепринятыми, ходячими.

Но въ томъ же прошломъ вѣкѣ можно видѣть и струю православной жизни и мысли, и она пробивалась и въ высшіе круги. Можно намѣтить магистраль русскаго православнаго возрожденія. О ней говорятъ имена М. Филарета, Еп. Феофана Затворника, Еп. Игнатія Брянчанинова, Хомякова, Митрополита Антонія. Это теченіе проникало и въ широкіе круги образованнаго общества.

Но медленно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ судьба рукописи Мотовилова: она болѣе 60 лѣтъ пролежала подъ спудомъ. Какъ могло это произойти? Не было интереса? Не поняли? Побоялись цензуры—ужъ очень по новому и дерзновенно говоритъ она о Православіи? Какое изъ этихъ объясненій ни взять, они всѣ одинаково горьки.

Такъ жила Россія.

Внѣшне все какъ будто прочно въ „Православной Россіи", а внутри въ „ведущемъ" (куда?) слоѣ — нѣтъ православнаго человѣка...

У живыхъ и внимательныхъ людей прошлаго вѣка начинается тревога за Россію. У Гоголя, Хомякова.

А Прп. Серафимъ раньше ихъ, уже давно горькими слезами плачетъ о Россіи: онъ уже знаетъ, что она идетъ къ бѣдѣ.

Большая мучительная тревога у Достоевскаго. Интересны его записки: его мучаетъ Толстой, его произведенія. Отъ нихъ всѣ въ восторгѣ, такъ прекрасно онъ описываетъ жизнь ведущаго дворянскаго общества. Какая жизнерадостная полнокровная жизнь, здоровье! А Достоевскій читаетъ и мучительно, съ ужасомъ чувствуетъ, что полнота и какъ будто прочность русской жизни у Толстого — миражъ, что у общества нѣтъ устоевъ, что Россія идетъ не зная куда.

И мы теперь чувствуемъ, что Достоевскій былъ правъ: жили безъ міровоззрѣнія, безъ идеи и идеологіи.

Съ болью и невыразимымъ напряженіемъ Достоевскій постепенно идетъ къ тому, чтобы написать человѣка настоящаго, почвеннаго и желаннаго. Онъ пишетъ своего „главнаго героя" — Алешу Карамазова — вѣрующаго, румянаго, духовнаго реалиста. Яснаго и простого, и вокругъ него радость и исцѣленіе душъ.

Идея вѣрной, ясной, простой и свѣтлой жизни захватываетъ Достоевскаго. Его восторгъ выражаетъ „Подростокъ" и говоритъ объ этомъ „задыхаясь отъ волненія и восторга".

Это характерный для Достоевскаго, для его духовнаго роста, моментъ: онъ и Алешу проводитъ черезъ моментъ восторга любви къ жизни, когда онъ „въ слезахъ и въ изступленіи" цѣловалъ землю.

И другой образъ на томъ же пути творческаго достиженія: старецъ Зосима. Онъ учитъ Алешу: „Землю люби и неустанно ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи землю слезами радости твоей и люби сіи слезы твои. Изступленія сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій великій, да и не многимъ дается".

Намъ дороги всѣ исканія вѣрной жизни, вѣрнаго православнаго человѣка. Эти поиски характеризуютъ эпоху русскаго возрожденія второй половины прошлаго вѣка. Это исканія потомковъ Мотовилова, котораго „не такъ учили, какъ бы слѣдовало". Предъ ними лежала та же задача, что и передъ нами — они искали правильный путь и правильнаго человѣка.

Наша задача теперь во многомъ труднѣе, но въ одномъ она легче: Прп. Серафимъ далъ намъ очертанія православнаго человѣка и намѣтилъ его путь.

И мы знаемъ благодаря ему, что хотя въ Россіи была долголѣтняя назрѣвающая болѣзнь и потокъ ясной воды Православія сильно замутился, но въ Русской рѣкѣ всегда былъ, и вѣруемъ, есть и будетъ, струя чистой незамутненной воды. Была струя ясной, простой и чистой христіанской православной жизни и это она выходила мальчика и юношу Прохора— человѣка рѣдкой силы и мужества, ума,

совершенно исключительной духовной чуткости, дерзновенія и трезвости.

Эта струя—есть среда высокой православной культуры. На пути къ величайшему подвигу, Прохоръ не цѣлуетъ землю въ изступленіи, и монахи—представители этой среды и культуры—не признаютъ православнымъ старцемъ недозрѣвшаго для этого подвига Зосиму: въ немъ нѣтъ еще трезвости, ясности, простоты и мира.

Это струя высокой культуры: въ ней ясность, простота и свобода.

Чтобы понять и почувствовать эту среду, представимъ себѣ разговоръ матери Прохора съ сыномъ о его рѣшеніе идти въ монахи. Это картина такой простоты и правдивости, ясности и глубины, что можетъ быть ни одинъ художникъ не опишетъ ее. Можетъ быть только Пушкинъ.

Возможность такихъ людей, такой среды, „едва усиліемъ минутнымъ" понятна Достоевскому и эта возможность такъ поражаетъ Достоевскаго, что онъ говоритъ о ней „задыхаясь отъ волненія и восторга".

Прохоръ жилъ въ такой средѣ, она ему родная.

Вотъ онъ, высокій, сильный идетъ во главѣ артели послушниковъ лѣсорубовъ и поетъ. Вотъ онъ въ лѣсу, въ пустынькѣ, работаетъ творя молитву Іисусову. Съ ней онъ живетъ, работаетъ, говоритъ съ людьми и Господь Духъ Святой приходитъ въ его сердце, и онъ стоитъ, топоръ выпадаетъ изъ его рукъ и сердце его горитъ неземной радостью.

Вотъ его строгій, суровый подвигъ стяжанія Св. Духа. И изъ этого подвига онъ приходитъ къ людямъ съ Пасхальной радостью вѣры, свѣта и любви: „Христосъ Воскресе", „радость моя".

Нѣтъ, это не Нестеровскій, чуть стилизованный праведникъ, это живой подлинный праведникъ, пріобщенный Царствію Божію.

Въ немъ нѣтъ ни тѣни, ни намека на тѣнь, сентиментальности стилизованнаго Зосимы и онъ зоветъ не къ „изступленію", а къ мужественному подвигу.

Это не добрый старичекъ-землячекъ, нѣтъ, это подлинно Богомъ прославленный человѣкъ, ибо духъ Божій живетъ въ немъ. Это явленіе высшаго человѣческаго достиженія и простой русскій народъ это понялъ. Это явленіе почти непонятное для представителей иной культуры и англійскій посолъ въ своемъ докладѣ о жизни въ Россіи пишетъ, что Государь занятъ дѣломъ прославленія, „какого то темнаго монаха".

А русскій православный народъ увидѣлъ свѣтъ прославленія у Бога этого „убогаго" монаха.

Прп. Серафимъ есть образъ православнаго человѣка, его нравственнаго устроенія, міропониманія и пути.

Для русскаго человѣка понять Преподобнаго Серафима его вѣру, взгляды, понять, что онъ любитъ, чего хочетъ отъ насъ, — это значитъ понять православнаго человѣка, найти самого себя и свой путь.

П. С. ЛОПУХИНЪ.

Неискореняемость религіи.

(Окончаніе).

Попытка замѣнить религію философіей или наукой дѣлается не впервые въ наше время господства позитивизма. Еще въ древней Греціи дѣлались такія попытки, и была неудача. Великіе же греческіе мудрецы—Сократъ, Платонъ и Аристотель — относились къ религіи съ должнымъ уваженіемъ: они не раздѣляли народныхъ языческихъ суевѣрій, но вѣру въ Бога имѣли,—въ ихъ философскихъ сочиненіяхъ можно найти явные слѣды монотеизма (вѣры въ единаго Бога). Не вышло ничего, кромѣ позора на всѣ вѣка, и изъ циническихъ выходокъ противъ религіи во время первой французской революціи, когда думали установить новый культъ богини Разума.

Не выходитъ и не можетъ выйти ничего и изъ того атеистическаго шума, который поднимаютъ въ наше время вслѣдъ за позитивистами и матеріалистами представители соціализма. Имъ желательно, какъ и философу Нитцше „убить Бога", изъять совсѣмъ Его имя изъ среды человѣчества, для того, чтобы поставить на Его мѣсто человѣка съ его геніемъ. Они въ тонъ своимъ учителямъ Марксу и Энгельсу кричатъ противъ религіи, какъ „отжившаго свое время суевѣрія", — считая вопросъ о религіи „покончennымъ для интеллигента и опіумъ для народа".

Но, очевидно, вырвать, убить, вытравить религію нѣтъ никакой возможно-

сти. Много писано, сказано и пущено въ дѣло по части этого „вытравливанія", но все оказывается напраснымъ. Вытравить религію—это равняется въ сущности, отравленію всего человѣчества. Можно уничтожить видимыя проявленіе религіи — культъ, обряды, но самую душу религіи нельзя уничтожить. Изъ попытокъ фальсификаціи религіи можно только еще лишній разъ убѣдиться въ томъ, насколько глубоко вложенъ корень религіи въ человѣка, какую неодолимую потребность человѣческой души представляетъ религіозная вѣра.

Истинно вѣрующихъ людей поражаетъ видимое охлажденіе къ религіи въ обществѣ — и прежде всего въ обществѣ образованныхъ людей, въ средѣ такъ называемой интеллигенціи. Послѣднюю всячески готовы поносить за невѣріе и безбожіе, а изъ за нея готовы во всемъ винить и самую науку. Мнѣ кажется, тутъ есть нѣкоторое преувеличеніе, на которое, по моему мнѣнію, хорошо отвѣчаетъ Д. С. Мережковскій: „Умеръ Богъ въ человѣчествѣ, — пишетъ онъ, повторяя фразу Нитцше, но—добавляетъ къ этому—не въ человѣкѣ; въ обществѣ, но не въ личности, во всѣхъ, но не въ каждомъ. Потребность религіозная свойственна человѣку въ такой же мѣрѣ, какъ всѣ естественныя потребности".

Извѣстный своимъ невѣріемъ Вольтеръ давно уже говорилъ, что если бы не было религіи, то надобно было бы ее придумать. Есть, конечно, въ этихъ словахъ не малая доля кощунства, оскорбительнаго для слуха вѣрующаго человѣка, но, несомнѣнно, въ нихъ заключается вольное или невольное признаніе великаго значенія за религіей, какъ за существеннымъ и всеобъемлющимъ факторомъ въ жизни народовъ и людей. Съ Вольтеромъ случилось, повидимому, то же, что и съ соціалистами. Не желая принимать религіи въ теоріи, онъ призналъ ее какъ неизбѣжную практическую силу. Остается послѣ всего этого сказать, что нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ въ такой универсальной, жизненной, возрождающей силѣ видѣть какую-то иллюзію. Это слово надобно выкинуть, какъ негодное, совершенно неподходящее въ данномъ случаѣ. Что было вездѣ, всегда, при самой колыбели всѣхъ народовъ, и не переставало жить и теперь живетъ и не можетъ быть изжито, то, несомнѣнно, есть нѣчто неотдѣлимое отъ самой природы человѣка, есть насущная потребность разумной души, выраженіе общаго смысла жизни.

Это, такъ сказать, неотъемлемая „аксіома" человѣческаго сознанія. Это — душа души человѣческой. Иначе и быть не можетъ, иначе наша природа представляла бы какую-то невыносимую аномалію, что-то исключительное среди всеобщей цѣлесообразности, какую-то безумную игру случайностей.

Епископъ АЛЕКСАНДРЪ.

Выдержки изъ труда
Проф. В. Можайскаго.

„О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментахъ послѣдняго періода жизни и дѣятельности Святѣйшаго Патріарха ТИХОНА (1923 — 1925 г.)".

Въ русскихъ журналахъ и газетахъ появилось уже немало статей, посвященныхъ жизни и дѣятельности приснопамятнаго Свят. патріарха Тихона. Такъ какъ всѣ эти статьи написаны лицами, которыя сами не были непосредственными очевидцами тѣхъ или другихъ событій изъ жизни Св. патріарха послѣдняго періода его жизнедѣятельности и лишь пользовались слухами, шедшими черезъ десятки и сотни лицъ отъ анонимныхъ авторовъ или псевдонимовъ, а также сообщеніями совѣтскихъ газетъ, то не удивительно, что въ эти статьи вкрались свѣдѣнія мало или даже вовсе не соотвѣтствующія дѣйствительности. Такъ какъ на мою долю выпало быть въ теченіи шести лѣтъ, до послѣдняго года жизни патріарха Тихона, однимъ изъ самыхъ непосредственныхъ ближайшихъ его сотрудниковъ, видавшихся съ нимъ по обязанностямъ службы почти каждый день, то я считаю долгомъ, въ интересахъ исторической правды и науки, подѣлиться тѣмъ, что происходило на моихъ глазахъ, и внести необходимыя разъясненія и дополненіе къ появившимся въ русской прессѣ иногда не совсѣмъ точнымъ сообщеніямъ объ отдѣльныхъ моментахъ жизни и дѣятельности Свят. патріарха Тихона послѣдняго періода, т.е. послѣ освобожденія его изъ заключенія въ 1923 году.

1. МОМЕНТЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ ИЗЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Свят. патріархъ въ 1923 году былъ освобожденъ не изъ тюрьмы, какъ

это пишутъ, а изъ-подъ домашняго ареста, подъ которымъ онъ находился въ бывшихъ казначейскихъ покояхъ Донского монастыря. Здѣсь онъ жилъ со всѣмъ своимъ скромнымъ имуществомъ и со своимъ вѣрнымъ келейникомъ Яковомъ. Сюда вѣрующіе могли передавать и передавали все, что хотѣли, но только черезъ стражу ГПУ, которая денно и нощно дежурила внутри помѣщенія и не допускала къ патріарху ни единаго человѣка. Патріархъ, однако, при полученіи передачи (черезъ стражу) могъ въ любой моментъ дня выходить на примыкавшій къ его помѣщенію отрѣзокъ монастырской стѣны (тоже строго охраняемый), показываться издали принесшимъ и благословлять ихъ. При этомъ попутно я долженъ замѣтить, что заявленіе покойнаго митрополита американскаго Феофила въ американской газетѣ „Экзаминеръ" (Санъ-Франциско), что будто бы онъ, будучи тогда въ санѣ священника въ Москвѣ „тайно посѣщалъ патріарха" и бесѣдовалъ съ нимъ въ этомъ его домашнемъ заключеніи, является плодомъ какого-то, съ его стороны, недоразумѣнія: ни съ какого конца, ни тайно, ни явно проникнуть къ патріарху и бесѣдовать съ нимъ было невозможно. Освобожденіе патріарха состояло въ томъ, что въ его помѣщеніе явился начальникъ церковнаго отдѣла ГПУ Тучковъ, въ вѣденіи котораго находился патріархъ, снялъ стражу и объявилъ патріарху, что теперь онъ можетъ, куда угодно, выходить и выѣзжать и, кого угодно, принимать. И патріархъ тотъ-часъ же и воспользовался предоставленной ему свободой. Онъ узналъ, что въ этотъ день на московскомъ Лазаревскомъ кладбищѣ совершалось погребеніе одного популярнѣйшаго по своему духовному вліянію на народъ московскаго пастыря — протоіерея о. Алексѣя Мечева, и тамъ собралась громадная масса вѣрующихъ. Патріархъ очень уважалъ и цѣнилъ о. Алексѣя и потому рѣшилъ и самъ поѣхать на кладбище. Онъ взялъ частнаго извозчика и въ обычномъ своемъ внѣшнемъ патріаршемъ одѣяніи, въ бѣломъ патріаршемъ клобукѣ неожиданно для всѣхъ появился среди этого множества вѣрующихъ. Трудно описать тотъ взрывъ восторга, который охватилъ тогда всю эту массу народа. Почти всѣ плакали отъ радости, подходя къ нему подъ благословеніе. Въ заключеніе толпа выпрягла лошадь изъ экипажа и сама нѣкоторое время везла этотъ экипажъ съ сидящимъ въ немъ патріархомъ, со всѣхъ сторонъ экипажъ засыпали цвѣтами. При этомъ первомъ послѣ ареста соприкосновеніи съ народомъ партріархъ живо почувствовалъ и увѣрился въ томъ, что ему такъ важно было теперь чувствовать и сознавать: церковный народъ остался неизмѣнно ему преданнымъ.

2. БЛИЖАЙШІЙ ПОМОЩНИКЪ св. ПАТРІАРХА — ЕПИСКОПЪ ИЛАРІОНЪ (Троицкій) (Къ 10 апрѣля—дню Ангела).

Промыслу Божію было угодно, чтобы освобожденіе патріарха совпало съ пріѣздомъ въ Москву только что отбывшаго срокъ своей ссылки викарія Московской епархіи епископа Иларіона (Троицкаго). Это была выдающаяся личность — человѣкъ выдающагося ума, богословской эрудиціи, ораторскаго таланта, высокаго роста, чрезвычайно представительной внѣшности, магистръ богословія, бывшій профессоръ и инспекторъ Московской Духовной Академіи. Онъ сталъ какъ-бы правой рукой патріарха Тихона во всѣхъ отношеніяхъ. Это былъ церковный дѣятель, безгранично преданный патріарху и пламенный борецъ противъ врагов партріарха и Церкви—обновленцевъ.

Въ отношеніи епископа Иларіона, въ русской прессѣ имѣютъ мѣсто двѣ ошибки. Первая—приписываніе ему званія, котораго онъ за свои выдающіяся свойства и дѣятельность былъ вполнѣ достоинъ, но котораго въ дѣйствительности, насколько мнѣ извѣстно, онъ не имѣлъ, именно званія архіепископа. Это достоинство, въ виду его выдающагося при патріархѣ положенія, ошибочно предполагали за нимъ почти всѣ рядовые многочисленные посѣтители патріаршаго управленія, величая его обращеніемъ „Ваше Высокопреосвященство". И такъ какъ поправлять каждаго посѣтителя и указывать на ошибочность этого обращенія не было никакой возможности, то посѣтители, не встрѣчая возраженій, утверждались въ представленіи, что преосвященный Иларіонъ, дѣйствительно архіепископъ, и это представленіе распространялось такимъ образомъ по всѣмъ концамъ Россіи. Въ моментъ его послѣдняго ареста, осенью 1923 года, преосвященный Иларіонъ былъ несомнѣнно только епископомъ, а арестованнымъ лицамъ, пока они находились въ тюрьмѣ или ссылкѣ, ни патріархъ, ни другіе епископы (чтобы не раздражать большевицкой власти) никакихъ награжденій или повышеній обычно не давали.

Другая ошибка, крайне для памяти преосвященнаго Иларіона обидная, къ сожалѣнію, нашла себѣ мѣсто въ очень почтенной книгѣ высокочтимаго протопресвитера о. М. Польскаго „Новые Россійскіе мученики".

Въ этой книгѣ я съ крайнимъ удивленіемъ прочелъ слѣдующія строки: „Его (т.е. патріарха Тихона) уговаривали ра-

ди пользы Церкви и упорядоченія отношеній государства и Церкви отречься отъ власти и уже успѣли склонить на эту точку зрѣнія одного-двухъ ближайшихъ къ нему архіереевъ" (см. стр. 108)... „Онъ (еп. Иларіонъ) именно былъ одинъ (изъ двухъ) сторонниковъ отреченія патріарха отъ власти. Но столь кратко, хотя и остро занималъ этотъ вопросъ церковное управленіе и настолько быстро и самъ архіепископъ Иларіонъ сознаналъ свою ошибку, что объ этой его позиціи далеко не всѣ и среди епископата знали" (см. стр. 132).

Думаю, что эти строки вызвали немалое смущеніе и скорбь у всѣхъ почитателей памяти епископа Иларіона. Но въ утѣшеніе ихъ я могу рѣшительно заявить: Никогда ни на одинъ моментъ и ни въ какой формѣ вопросъ объ отреченіи патріарха отъ власти „не занималъ патріаршее церковное управленіе", никто никогда здѣсь „не уговаривалъ патріарха, ради пользы Церкви и упорядоченія отношеній государства и Церкви отречься отъ власти". Это была какъ разъ точка зрѣнія или, точнѣе сказать, боевой лозунгъ враговъ патріарха — обновленцевъ и обновленческаго самозваннаго церковнаго управленія. Никакихъ „одного — двухъ ближайшихъ къ патріарху архіереевъ, которыхъ бы усиленно склоняли на эту точку зрѣнія", никогда не существовало, и не могло существовать въ силу той психологической обстановки, которая тогда окружала патріарха. Весь народъ и всѣ окружающіе патріарха были проникнуты тогда такимъ несокрушимымъ порывомъ любви и преданности къ патріарху и радостью о его возвращеніи къ власти, а черезъ то объ освобожденіи отъ самозванной обновленческой церковной власти, что тутъ ни одному патріаршему церковному дѣятелю не могло и на мысль придти выступить съ предложеніемъ отреченія патріарха отъ власти, а если бы такой и нашелся, онъ моментально бы потерялъ всякій авторитетъ и уваженіе и всѣ бы навсегда отвернулись отъ него, какъ отъ тайнаго „обновленца". Главнымъ же вдохновителемъ и вождемъ такъ пламенно настроеннаго патріаршаго окруженія и народныхъ массъ былъ именно епископъ Иларіонъ съ его огненнымъ словомъ, неутомимый обличитель обновленческой неправды. Для почитателей же памяти покойнаго владыки эти строки книги о. Польскаго тѣмъ особо прискорбны, что, въ виду устанавливаемаго книгой факта непосредственнаго и продолжительнаго знакомства автора съ епископомъ Иларіономъ по Соловецкому концентраціонному лагерю, у читателей книги невольно создается ложное впечатлѣніе, что авторъ что-либо подобное слышалъ отъ самого епископа Иларіона.

Для меня несомнѣнно, что высокочтимый авторъ книги былъ введенъ въ крайне досадное заблужденіе со стороны лицъ, питавшихъ излишнее довѣріе къ сообщеніямъ совѣтскихъ газетъ. Помѣщенное въ его книгѣ фантастическое и глубоко-обидное для памяти епископа Иларіона сообщеніе есть именно плодъ такого довѣрія.

Въ дѣйствительности же все это—чистѣйшая, крайне недобросовѣстная провокаціонная выдумка возглавлявшаго тогда самозванное обновленческое церковное управленіе архіепископа (у обновленцевъ — митрополита) Евдокима (Мещерскаго). Пытаясь всякими способами подорвать авторитетъ патріарха и его ближайшихъ сотрудниковъ въ глазахъ народа, онъ прибѣгъ къ своеобразному провокаціонному пріему. Онъ увѣдомилъ патріарха, что онъ, глубоко скорбя о происшедшемъ церковномъ раздѣленіи, продолжая искренно почитать патріарха и не признавая законнымъ происшедшаго на послѣднемъ (1923 г.) обновленческомъ „соборѣ" акта низложенія патріарха, желаетъ войти въ переговоры о примиреніи его—Евдокима и всей обновленческой Церкви съ патріархомъ. Было условлено созданіе смѣшанной комиссіи изъ представителей патріаршаго и обновленческаго управленія. Съ патріаршей стороны были назначены патріархомъ въ эту комиссію два члена сѵнода — архіепископъ Серафимъ (Александровъ) и епископъ Иларіонъ и предсѣдатель Московскаго епархіальнаго Совѣта проф. прот. В. Виноградовъ. Засѣданіе комиссіи состоялось на нейтральной территоріи въ помѣщеніи быв. часовни преп. Сергія у Ильинскихъ воротъ. Съ обновленческой стороны явился самъ архіепископъ Евдокимъ и секретарь обновленческаго церковнаго управленія — свѣтское лицо, являвшееся фактически при этомъ управленіи „окомъ" ГПУ. На этомъ засѣданіи архіеп. Евдокимъ, къ изумленію патріаршей депутаціи, повелъ рѣчь совсѣмъ не о „примиреніи" его и обновленцевъ съ патріархомъ, а о томъ, что патріархъ ради міра и блага Церкви долженъ отрѣчься отъ власти и что члены патріаршей депутаціи должны сдѣлать патріарху въ этомъ смыслѣ предложеніе. Депутація, выслушавъ длинную рѣчь архіепископа Евдокима, съ трудомъ подавляя свое негодованіе, отвѣтила, что ей поручено вести переговоры о примиреніи Евдокима и обновленцевъ съ патріархомъ, обсуждать же вопросъ объ отреченіи патріарха она ни-

какъ не уполномочена и не можетъ; единственное, что она можетъ и обязана сдѣлать, это — съ возможной точностью передать патріарху содержаніе выслушанной рѣчи и такимъ образомъ информировать патріарха о дѣйствительныхъ взглядахъ и настроеніи архіеп. Евдокима и возглавляемаго имъ управленія.

Съ глубокимъ возмущеніемъ возвратились члены депутаціи къ патріарху и доложили ему о провокаціонномъ образѣ дѣйствій архіеп. Евдокима. Патріархъ съ обычной своей добродушной улыбкой сказалъ: „Такъ я и предполагалъ обманъ; отъ Евдокима другого и ожидать было нельзя". Но провокація пошла гораздо далѣе, чѣмъ можно было предполагать.

Черезъ рядъ дней въ совѣтскихъ газетахъ появилось „интервью" архіеп. Евдокима, въ которомъ онъ, въ связи съ указаннымъ засѣданіемъ смѣшанной комиссіи, заявлялъ, что будто-бы теперь „даже такіе ближайшіе сотрудники патріарха, какъ епископъ Иларіонъ, пришли къ убѣжденію необходимости, ради пользы Церкви, отреченія патріарха отъ власти и что они уже уговаривали патріарха согласиться на это отреченіе". Конечно, возмущенію этою клеветою архіеп. Евдокима среди участниковъ комиссіи и патріаршаго церковнаго управленія не было конца. Предпринятъ былъ рядъ попытокъ помѣстить въ совѣтскихъ газетахъ опроверженіе, но такъ какъ этотъ провокаціонный актъ былъ сдѣланъ въ контактѣ съ ГПУ, то всѣ попытки эти остались безрезультатными. Замѣтка же объ этомъ „интервью" стала извѣстна, конечно, не только по Москвѣ, но и по всей Россіи. Въ Москвѣ, гдѣ очень хорошо знали истинное положеніе дѣла, никто въ церковномъ мірѣ этой замѣткѣ не повѣрилъ, но въ провинціи, гдѣ привыкли вѣрить печатному слову и гдѣ епископа Иларіона близко не знали, нашлось не мало простодушныхъ людей, которые не могли допустить, чтобы архіепископъ говорилъ чистую ложь, и сами повѣрили этой лжи и стали невольными распространителями якобы достовѣрныхъ слуховъ о мнимой неустойчивости незабвеннаго, неустрашимаго и твердаго, какъ скала, духомъ архипастыря—беспредѣльно преданнаго Святѣйшему патріарху Тихону ближайшаго его помощника.

Дополненіе къ оффиціальной части

НАЗНАЧЕНІЯ, ПЕРЕМѢЩЕНІЯ, УВОЛЬНЕНІЯ и НАГРАЖДЕНІЯ за МАЙ мѣсяцъ.

1. Священнику Михаилу НАКОНЕЧНОМУ выданъ каноническій отпускъ въ виду выѣзда въ Америку, 22-го мая.

2. Протопресвитеръ Василій ВИНОГРАДОВЪ назначенъ 1-мъ священникомъ-замѣстителемъ Настоятеля (Архіепископа) къ свято-Архангело-Михайловской соборной церкви въ Шлейсгаймѣ, съ оставленіемъ за нимъ исполненія пастырскихъ обязанностей по мѣстной гимназичейской церкви, 23-го мая.

3. Протоіерей Феодоръ ТОНКОШКУРЪ оставленъ при названной церкви 2-мъ священникомъ, а протоіерей Іосифъ ГРИНКЕВИЧЪ — 3-мъ священникомъ, съ званіемъ соборнаго ключаря, 23-го мая.

4. Священникъ Н. САПУНОВЪ освобождается съ 1-го іюня с.г. отъ исполненія пастырскихъ обязанностей въ санаторіи Гаутингъ.

5. Игуменъ КАЛЛИСТЪ освобождается отъ должности Настоятеля церкви въ г. Бадъ-Киссингенѣ съ 1-го іюня и назначается для исполненія пастырскихъ обязанностей въ Гаутингскую санаторію.

6. Исполняющій обяз. 2-го священника при Свято-Николаевской церкви въ г. Мюнхенѣ протоіерей Николай ФЕДОРОВЪ утверждается въ должности 2-го священника при названной церкви, 23-го мая.

БОЛѢЗНЬ АРХІЕПИСКОПА СТЕФАНА.

(См. стр. 3).

27 апр. (10 мая) было произведено хирургическое изслѣдованіе и 28 апр. (11 мая) Владыкѣ СТЕФАНУ была сдѣлана подъ мѣстнымъ наркозомъ операція язвы желудка, прошедшая—благодареніе Богу—благополучно. Владыка Архіепископъ находится теперь на пути къ выздоровленію.

Выражая чувства всей епархіи, съ тревогой слѣдившей за ходомъ болѣзни своего любимаго архипастыря, редакція русской Зальцбургской газеты „Лучъ" принесла Владыкѣ СТЕФАНУ поздравленія съ удачнымъ исходомъ операціи и пожеланія быстраго и полнаго выздоровленія.

Германская епархія со своей стороны приноситъ Его Высокопреосвященству Владыкѣ Архіепископу СТЕФАНУ поздравленія съ благополучнымъ исходомъ операціи и самыя горячія пожеланія скораго и полнаго выздоровленія.

Кончина Архіепископа САВВЫ

Письмо на имя Владыки Архіепископа ВЕНЕДИКТА отъ благочиннаго приходовъ „православныхъ поляковъ" протоіерея Игоря Ткачука.

Ваше Высокопреосвященство
Высокопреосвященнѣйшій Владыко.

21 мая скончался въ Лондонѣ отъ кровоизліянія въ мозгъ бл. п. Высокопреосвященнѣйшій Архіеписк. САВВА.

Погребеніе Почившаго состоится въ Лондонѣ въ субботу 26 мая.

Отъ имени духовенства, которое подвѣдомственно было Почившему — усердно прошу Ваше Высокопреосвященство помолиться объ упокоеніи Почившаго и поминать Его въ Вашихъ Св. молитвахъ.

За желѣзнымъ занавѣсомъ.

(„Церковный обзоръ" № 45).

Въ Польшѣ все больше и больше появляется священниковъ, которые получили свое образованіе въ коммунистической „Духовной Семинаріи". Такъ какъ ихъ не признаютъ, то они ставятъ церковныхъ чиновниковъ передъ тяжкой проблемой. Они пользуются защитой государства и имѣютъ задачу вносить въ ряды вѣрующихъ безпокойство и неразбериху. Подобные агенты въ священническихъ сутанахъ появляются также и на теологическихъ государственныхъ факультетахъ.

Въ Прагѣ управленіе по церковнымъ дѣламъ созвало конференцію церковныхъ представителей разныхъ вѣроисповѣданій, на которой рядомъ съ многочисленными представителями совѣтско-тоталитарныхъ направленій изъ московскихъ государствъ-сателитовъ, присутствовали также и три представителя изъ восточной зоны Германіи, одинъ сербскій священникъ и красный деканъ Кентерберійскій Джонсонъ. На повѣсткѣ дня стоялъ вопросъ о подписаніи „Стокгольмскаго воззванія".

Содержаніе № 5-го за май м-цъ 1951 г.

Часть оффиціальная . . . 1
Епархіальная хроника . . . 2
Сообщеніе Секретаріата Управленія Австрійской Епархіи . . . 3
Болѣзнь Архіепископа Стефана . 3
Часть неоффиціальная. Четырехсотлѣтіе Стоглаваго Собора 1551—1951 г. 4
О Православномъ Человѣкѣ . . 8
Неискореняемость религіи . . 13
„О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментахъ послѣдняго періода жизни и дѣятельн. Св. Патр. Тихона (1923—1925 г.)" 14
Дополненіе къ оффиціальной части: назначен., перемѣщ., увольненія за май мѣсяцъ 17
Болѣзнь Архіепископа Стефана . 18
† Кончина Архіепископа Саввы . 18
За желѣзнымъ занавѣсомъ . . 18